

Дружить согласна

Константин Воскресенский

Тихие дела

Константин Воскресенский

Дружить согласна

«Aegitas»

2026

Воскресенский К. Д.

Дружить согласна / К. Д. Воскресенский — «Aegitas»,
2026 — (Тихие дела)

ISBN 978-0-36-941379-6

В ярославском шапито «Лазарь» находят мёртвым художника и артиста Кирилла Лазарева — сперва всё выглядит как несчастный случай и следователь Сергей Нечаев должен лишь утвердить версию коллеги: упал во тьме, делов-то. Но слишком многое не складывается: аккуратная мастерская, десятки картин одной и той же женщины, ложка с мёдом в «не той» руке и жена, которая говорит слишком спокойно. Шаг за шагом Нечаев собирает историю человека, который много лет вёл свой роман в переписке с одноклассницей, а она отвечала ему короткими сообщениями «по делу». Для него два слова «дружить согласна» становятся обещанием, для неё — вежливым согласием оставаться на расстоянии. Компактная повесть «на один вечер». Подходит читателям, которым интересны психология, отношения, а не жанровой экшен, любителям камерной прозы с вниманием к деталям и живой речи, взрослая аудитория 25+, городские читатели современной отечественной прозы.

ISBN 978-0-36-941379-6

© Воскресенский К. Д., 2026

© Aegitas, 2026

Содержание

Глава 1. Несчастный случай	5
Глава 2. Самоубийство, похожее на несчастный случай	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Воскресенский

Дружить согласна

Глава 1. Несчастный случай

Весна.

Шапито «Лазарь» стояло на пустыре у Которосльской набережной с начала мая – красно-жёлтое, круглобкое, похожее на леденец, который великан забыл на берегу реки и не вернулся. Снаружи пахло рекой и тополиной горечью – тем сырым, чуть сладковатым запахом, который в Ярославле означает, что зима кончилась окончательно. Вокруг был обычный пейзаж: бетонный забор с дырой, через которую ходили все, автобусная остановка с выломанным стеклом, за ней – крыши гаражей, тополя, просвет реки за деревьями. Далёкие огни жилых домов. Всё привычное, всё немного усталое – то провинциальное «ничего особенного», которое на самом деле и есть уют, просто об этом не принято говорить вслух.

Внутри пахло опилками, карамелью и ещё чем-то неуловимо звериным – тем особым запахом, который бывает только в цирке и который взрослые забывают, а дети помнят всегда, даже когда не могут объяснить, что именно. Коверный Петухов – маленький, круглый, в рыжем парике – катился по манежу как живой клубок, и дети в первых рядах визжали с той само-забвенной серьёзностью, с которой дети всегда делают то, что им велит тело. Администратор Раиса Филипповна сидела у входа на складном стуле, привычно морщилась и считала посетителей – не зрителей, а пустых мест. Пустых было больше. «Ну, не Большой», – сказала она негромко, никому, – как говорила каждый вечер, и когда в зале сорок, и когда сто двадцать.

Никто из зрителей не знал, что за кулисами, в узком пространстве между фургонами, уже двадцать минут как лежал человек.

Игорь Семёнович Брагин вышел покурить в половине девятого – пока клоун Петухов держал зал. Так было заведено: пока смеются, можно отлучиться. Он шёл медленно, не торопясь: мимо фургона с реквизитом, мимо клетки, где дремал старый пёс Буян, подёргивая лапой во сне, – единственное существо в труппе со стабильным графиком, – и свернул в узкий проход между жилыми вагончиками, где ничего не видно с дороги. Сигарета уже тлела в руке – он прикурил ещё у выхода, на ходу, привычным жестом, прикрывая огонёк ладонью, хотя ветра не было.

Лазарев лежал у колеса крайнего фургона. На спине, руки вдоль тела, лицо вверх. В рабочей куртке – той самой, в которой ходил во время представлений. Как будто прилёг отдохнуть. Как будто смотрит на звёзды.

Брагин остановился.

Потом сделал шаг. Потом ещё один.

Он стоял и смотрел. Секунду. Две. Три. В голове не было ни одной мысли – совсем, как бывает только при очень большом ударе или при очень большом облегчении, и он не мог бы сказать, что именно сейчас. Где-то за брезентовой стеной смеялись дети – далёкий, ватный звук, как из радиоприёмника в соседней комнате. Кто-то хлопнул в ладоши. Оркестр ударил литаврой. Всё это было там – а здесь было тихо, и тополя за забором стояли неподвижно, и майский воздух пах рекой, и человек лежал у колеса лицом к небу.

Сигарета догорела до фильтра. Игорь Семёнович не почувствовал – ни жара, ни боли. Потом почувствовал. Разжал пальцы.

Ну вот и всё, – сказал кто-то внутри. – И что теперь?

– Люди! – крикнул Брагин. Голос вышел чужим – высоким, как у мальчишки. – Люди, сюда!

Служебный вход им не открыли – никто не знал, где ключ. Ключ существовал: им воспользовались один раз, в 2009 году, когда приезжала пожарная инспекция, после чего повесили на гвоздь в каморке Раисы Филипповны. Потом после очередного переезда каморку перенесли. Гвоздь остался, ключ – нет. Пришли через главный. Предъявили документы охраннику – тот долго смотрел, долго кивал, потом показал куда идти. Они прошли вдоль арены по узкому боковому проходу, стараясь не привлекать внимания, – два человека в штатском. Петухов в этот момент делал что-то с ведром и верёвкой – коронный номер, которому четырнадцать лет и от которого Петухов устал нежной, выстраданной усталостью, но ведро кормило, и ведро всегда возвращалось, – зал хохотал. Лапин невольно покосился на манеж: рыжий парик, мелькание рук, ведро летит вверх. Нечаев смотрел под ноги.

За кулисами пахло иначе: пыль, машинное масло, чей-то холодный чай в пластиковом стакане на ящике с реквизитом. И ещё – мокрая брезентовая ткань, тот кисловатый тяжёлый дух, от которого першит в горле, если дышать долго. Люди стояли кучками, негромко разговаривали – не плача, но и не зная, куда себя деть. Один мужчина – пожилой, в спецовке – сидел на перевёрнутом ящике и смотрел на свои руки. Просто смотрел, как смотрят, когда смотреть больше не на что. Такое бывает в первые минуты: горя ещё нет, есть только растерянность и неловкость от того, что непонятно, что теперь положено делать.

Лапин сразу пошёл к телу.

Нечаев остановился. Просто встал у входа и посмотрел на людей. Спокойно, как смотрят на незнакомый город из окна поезда – без спешки, без выводов. Запоминая.

Одна женщина стояла чуть в стороне от остальных. Тёмный платок. Руки сложены перед собой – крепко, побелевшие костяшки, как будто она держит ими что-то, что иначе рассыплется. Не плакала. Просто смотрела в землю. Рядом никого – на неё поглядывали с сочувствием, но не подходили, как не подходят к человеку, который давно привык стоять отдельно. На безымянном пальце – кольцо. Край платка чуть сбился, она не поправила.

Жена, – отметил Нечаев.

– Ну что, – сказал Лапин от тела, негромко, ни к кому особенно. – Упал, что ли.

Нечаев не ответил. Он смотрел на женщину.

Нечаев отвёл Брагина в сторону – к борту фургона, подальше от остальных. Достал блокнот, но не открыл. Просто держал в руке – привычка, как другие держат чётки.

– Расскажите, как нашли.

Брагин рассказал. Коротко, по порядку: вышел покурить в половине девятого, прошёл мимо реквизитного фургона, свернул в проход. Лежал уже. Не двигался. Сигарета была в руке – он её потом бросил, когда закричал.

– Сразу поняли, что плохо?

– Сразу.

– Трогали?

– Нет.

Нечаев смотрел на его руки. Большие, тёмные от вьёвшейся работы – такие не отмоешь до конца, сколько ни три. Под ногтями – чёрные полумесяцы, и кожа на костяшках грубая, потрескавшаяся. Руки человека, который всю жизнь что-то поднимал, крутил, натягивал. Не руки человека, который ударил.

– Давно в труппе?

– Семнадцать лет.

– С самим Лазаревым как – ладили?

Игорь Семёнович посмотрел чуть мимо него – не отвёл взгляд, но и не встретил. Куда-то выше переносицы, туда, где над фургонами было майское небо. Пауза была короткой – секунда, полторы. Нечаев сосчитал.

– Нормально, – сказал он.

Нечаев кивнул и убрал блокнот в карман. Ничего не записал.

Лапин ждал его у капота – стоял, листал в телефоне спортивные результаты. Не потому что болел – а потому что это единственное в мире, что имеет однозначный счёт: три – два, один – ноль, никаких «рассмотрим версию». Поднял глаза, когда Нечаев подошёл. На лице было выражение человека, который уже знает ответ и немного скучает.

– Ну что, этот? – кивнул он в сторону фургонов.

– Нормально, – сказал Нечаев. Точно так же, как только что сказал сам Брагин. И усмехнулся про себя – не над Брагиным, над чем-то другим.

Лапин телефон убрал – привычно, в нагрудный карман.

– Я думаю, несчастный случай, – сказал он. – Упал с фургона, темно было. Делов-то.

Нечаев посмотрел на небо. Небо было чистое, майское, крупные звёзды – такое небо бывает только в начале мая, до того, как придёт настоящее лето и размочит всё в белёсую мглу. Видно было хорошо. Всё было видно.

– Темно, говоришь, – сказал он.

Лапин посмотрел вверх. Потом на Нечаева. Потом сунул руку в карман за телефоном, не нашёл – вспомнил, что переложил его – и опустил руку.

– Ну, бывает, – сказал он. Тише, чем раньше.

Нечаев не ответил. Пошёл к той самой женщине, что стояла чуть в стороне от остальных – к Марианне.

Она не двинулась с места, когда он подошёл – только подняла глаза. Взгляд был ровный, без ожидания.

– Несколько вопросов, – сказал Нечаев. – Если можете сейчас.

– Могу.

Он встал рядом – не напротив, а чуть сбоку, так чтобы не давить. Она этого не заметила или сделала вид.

– Как он был последнее время?

Марианна помолчала. Не потому что думала – потому что искала точное слово. Такое молчание Нечаев умел отличать от уклончивого: человек не прячет – выбирает.

– Спокойный, – сказала она наконец. – Очень спокойный. Я даже радовалась сначала. Он всегда переживал – за шатёр, за погоду, за трупку. За всё сразу. А тут – отпустило как будто.

– Давно?

– Недели три. Может, четыре.

– Что-нибудь говорил? Объяснял?

Она чуть качнула головой.

– Просто однажды утром проснулся – и другой. Тихий. Улыбался даже.

Она замолчала. Посмотрела куда-то в сторону – туда, где между фургонами ещё работали криминалисты, ходили с фонариками, переговаривались вполголоса.

– Я думала, это хорошо, – сказала она тихо.

Произнесла это на выдохе, без нажима, без паузы перед этим – как будто фраза вышла сама, раньше, чем она решила её произнести. Как будто не ему сказала. Нечаев ничего не ответил.

Она, кажется, и не ждала.

Криминалист уходил последним – собирал оборудование неторопливо, привычно, как человек, которого давно ничем не удивишь. Снял перчатки, сказал негромко, себе: «Четвёртая пара». Застегнул чемоданчик, кивнул в сторону Нечаева и пошёл к машине. Лапин догнал Нечаева у капота.

– Сергей Палыч. Там ложка была. С мёдом. Рядом с телом. И шестигранная пластиковая банка в виде пчелиной соты.

Нечаев остановился.

– У него аллергия была?

– Не знаем пока.

– Узнай.

Лапин кивнул. Потянулся к телефону – привычным движением, как тянутся к чему-то, без чего уже не думается.

– И ещё, – сказал он. – В протоколе осмотра руки описали. Мягкие, ухоженные. Не рабочие.

Нечаев посмотрел на него. Ничего не сказал. Сел в машину.

Лапин постоял секунду, потом тоже сел.

Они ехали молча. За окном проплывали тополя, потом жилые дома, потом долгий прямой проспект с фонарями. На перекрёстке женщина выгуливала таксу – стояла, смотрела в телефон, собака тянула поводок влево, женщина шла вправо, телефон смотрел вверх. Три вектора, ни один не совпадает. Обычный ярославский вечер, которому не было никакого дела до шапито на пустыре. Город жил своим. Всегда жил своим.

На следующий день Марианна позвонила сама.

Попросила как можно быстрее отдать тело. Религиозные соображения, сказала. Кремация. Произнесла это ровно, гладко – как произносят фразу, найденную заранее и отрепетированную до звонка.

К тому времени медики уже дали заключение: анафилактический шок, аллергия на мёд. Лапин пожал плечами и подписал разрешение. Несчастный случай, всё сходилось, оснований держать тело не было.

Нечаев разрешение не подписывал. Его не спросили.

Глава 2. Самоубийство, похожее на несчастный случай

Следующий день.

Нечаев перечитал протокол осмотра утром, до того, как Лапин пришёл на работу. В кабинете было тихо – только трубы гудели за стеной, как гудят в старых зданиях, где отопление живёт своей жизнью. Чай остыл на столе – как каждое утро: Нечаев заваривал, ставил кружку и проваливался в дело, а через два часа обнаруживал её с лёгким удивлением, как будто впервые. Лапин, входя, иногда молча брал кружку, выливал и ставил обратно. Нечаев этого не замечал. Лапин считал это своим личным вкладом в следственную работу.

Там было написано: ложка – в правой руке. Не рядом с телом. В руке.

Лапин сказал «рядом с телом». Брагин сказал «не трогал». Криминалист написал «в руке».

Кто-то из троих ошибся. Или не ошибся.

Он позвонил Марианне и попросил разрешения ещё раз осмотреть место. Она не спросила зачем. Сказала: приезжайте. Голос был такой же, как в первый раз, – ровный, собранный, без лишнего слова.

Повторный осмотр места ничего не дал. Но рядом стоял фургон-мастерская. Фургон снаружи был как все остальные – тот же крашенный металл, та же пыль по нижнему краю, табличка «мастерская» написанная от руки фломастером, без претензий. Попросили открыть.

Марианна ключ искала долго – перебирала связку молча, без извинений, как ищут то, чем редко пользуются. Ключи были разные, старые, некоторые без бирок. Один – маленький, латунный, с обточенным ушком – явно ни от чего, но висел на связке с остальными и, видимо, собирался пережить их всех. Нечаев ждал. Лапин смотрел на телефон.

Замок самый обычный – навесной, с цифрами. Ничего, что намекало бы на то, что внутри.

Нашла. Открыла. Отступила в сторону – пропустила следователей первыми, и сама не вошла сразу. По тому как она остановилась на пороге – одной рукой придерживая дверь, другую опустив вдоль тела, – было видно: здесь она бывала редко. Может, никогда. Это было его пространство, и она это знала.

Нечаев вошёл и остановился.

Запах ударил первым – масляная краска, скипидар, что-то ещё сухое и тёплое, как нагретое дерево. Плотный запах, настоящий, – так пахнут комнаты, в которых работают годами, не открывая окон. Окно было завешено тканью – не шторой, а чем-то тёмным, рабочим. Горела лампа на кронштейне – жёлтая, с металлическим колпаком. В этом свете всё казалось чуть более настоящим, чем обычно бывают вещи, – гуще, теплее.

Он не стал сразу смотреть на картины. Сначала просто стоял – давал глазам привыкнуть, давал пространству войти. Тесно, но не по-бытовому, а как в мастерской, где каждый предмет знает своё место. Кисти в жестяной банке. Палитра на гвозде. Тряпка, свёрнутая аккуратно, положена на край табурета. Лапин уже шёл вдоль стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.